

...nothing ever really began all new...
Sylvia Plath. The Bell Jar

1. бар 01.05.15

— Летом восьмого года я был спокоен, весел, уверен в себе и с лёгкостью выдержал вступительный экзамен. Мать с отцом были рады, да и ты тоже. В первую неделю августа пришёл ответ, а в сентябре я уже шатался по аудиториям и внимательно (чаще нет) слушал профессоров.

Город, оставшийся в моём распоряжении, впечатлял красотой и гармоничностью. Ты могла заметить: он совсем не похож на Трих. Между районами есть чёткие границы, но они гораздо больше отличаются от всех остальных мест на свете, чем друг от друга. Каждый раз, думая о нём, я представляю небольшой плотный тёмный камень, вроде мохового агата. Улицы — прямые солнечные лучи, стремятся слиться с другими, образовать солнечные пятна-площади или же разбиться о набережные. Жил я (как счастливый обладатель студенческого билета) в Центральном районе в здании по диагонали (через реку, конечно же) от Университета. В восточной части находился Заречный район, в северной — Парковый. На западе был Порт, а южный район назывался Спальным.

Дни, о которых пойдет речь, в моей памяти сплелись в плотную цепочку. Безусловно, вокруг происходили ещё какие-то события, но я не запомнил. Происшествия этих нескольких месяцев (с февраля по октябрь — смотри-ка, чуть дольше полугода) до сих пор стоят перед глазами. Воспоминания оттуда ярче, чем из последних дней. Даже ярче, чем из детства.

Кларенс замолкает на минуту. Закуривает — нужно перевести дух. Когда он говорит, не смотрит на меня — перед собой смотрит, в стену. Никуда не смотрит, зрачки внутрь головы повернуты.

— Сигареты какие-то странные.

— Это гвоздика.

— Спасибо.

Когда ты пришла, Мария, я тебя не заметил, Мария. Как в старом мюзикле — Мария, Мария, Мария.

— Здравствуй, Мария, я налил тебе выпить.

Люди ушли, их нет, ты смотришь в зеркало за моей спиной.

Я спрашиваю:

— Будешь ещё?

Ты киваешь.

Я так давно не видел тебя, Мария, и я говорю тебе: у меня всё хорошо, всё отлично, в универе, в баре, с друзьями. Всё хорошо, я уже привык, так привык, как будто и не было никогда

ничего другого (всё очень плохо), с понедельника по четверг лекции (никто, кроме меня, туда и не ходит), каждый вечер со среды по субботу — с пяти до двух часов ночи — работа.

— Весь сентябрь я выходил из дома в солнце. Дверь была на юго-восточной стороне, окна моей комнаты — тоже. Каждое утро в глаза било солнце. Приятное ощущение. Я просыпался, пил кофе в забегаловке на углу, шёл на лекции. После — гулял, смотрел на птиц. Однажды забрёл далеко за реку, куда-то в промышленные (будто заброшенные) кварталы. Там, знаешь, дома в три раза старше нас с тобой, обшарпанные, кирпичные. Кирпичи все в выбоинах. Дороги между ними — широкие, грязные — для грузовых машин. Неровные, полно луж.

Но в сентябре было сухо, я полдня ходил меж заброшенных заводов и залипал на стены. Там был такой, знаешь, это называется стрит-арт. На грязных бордово-рыжих кирпичах светлые заплатки и сверху на них баллончиками — рисунки, надписи. Завораживает. У нас тоже такое есть. Где-то на северной окраине. Так вот, я смотрел на граффити, некоторые фоткал, залип окончательно. И тут появился Леонард.

Я киваю. Леон у нас художник, чёрт бы с ним.

— Он их нарисовал?

— Не совсем, — улыбается на секунду, — он их закрашивал. Не все, но самые, как бы назвать... самые недостойные, по его мнению. Он сказал, стен не хватит на всех. Нужно думать, когда тратишь пространство. Нечего писать на этих прекрасных стенах злые слова. Так он мне сказал. Он подумал, что я один из этих мародеров. Мы разговорились, ну понятное дело. Живых художников я видел редко, ну как редко, каждый день в универе, но это было *не то*. А Леон показался тем. Тем-тем. Потом я долго спрашивал, знает ли он, кто нарисовал то или это. Там был огромный кит, например. Прямо напротив входа. Громадный синюющий кит. Мёртвый, на берегу лежал. Леон его и нарисовал. И мне ещё дерево понравилось (такое, с электричеством между веток). Тоже его работа. Я их сразу выделил из остальных, как самые сильные. Очень талантливый парень. У него есть свой почерк, знаешь, *своя манера*. Легко заметить.

— Ничего не понимаю в этом.

— Врёшь.

Качаю головой.

— Конечно, врёшь. Ты же рисовала.

— Да когда это было. И вообще, знаешь, своё делать проще, чем оценивать других. На себя смотрю и сразу понятно — где хорошо, где криво, где шероховатость, где перспектива поломана.

— Перспектива поломана.

К. висит на несколько секунд.

— Так вот, — продолжает, — у меня появился друг. Жизнь преобразилась. Не то чтобы раньше у меня не было друзей — не было таких друзей. Единомышленников. Как будто до Леона я ни с кем не говорил. Каждый день говорил и молчал одновременно. Ну и конечно, были другие люди. Чьи-то друзья, партнёры, родственники, старые одноклассники. Другие художники. Я так злюсь на них, знаешь. Теперь, когда он пропал.

Смотрю вопросительно, сощуриваю глаза.

— Никто не рисует на том же уровне. Здесь даже не нужен какой-то особенный разум, просто техника. И никто не рисует на том же уровне. Все только ходят по барам и треплются об искусстве. Как мы с тобой.

— Так вот, — делает вдох, — до февраля не происходило ничего, достойного упоминания. Я учился, мы гуляли, Леон рисовал, я писал свои эссе. В январе была выставка в универе (куча натюрмортов и пара бессонных ночей). Ничего интересного.

В феврале же Леон впервые увяз в поверхности. Поднимался по лестнице и ноги стали прилипать. Это он так сказал. «Проваливаюсь в ступеньки. Они где-то на уровне моего колена». Не приступ, нет, просто надо меньше есть тех таблеток. Я, например, никогда не прилипал телом, только взглядом. Даже когда мы сидели, знаешь, в многоэтажном доме на центральной лестнице, наверху. На самом верху, возле выхода на крышу. Лестница была белая, и мы сидели там и не говорили. И всё стало белым, я подумал о музыке, и зазвучала музыка, и Леон слышал её. В тот день (это было в марте) наступило утро. Посередине дня, в начале весны, в каком-то глобальном плане пришло утро.

Мы молчим.

Утро, надо же.

Я думаю, что К. перескакивает с темы на тему. Мы часто ходили в тот бар. Здесь недалеко (здесь всё недалеко) — улицу перейти, свернуть налево и потом направо. Бар Роз. И там был этот парень, его все называли Смерж. Леон с ним знаком ещё с какой-то старой тусовки у фонтана. Не знаю, меня ещё не было в городе. Так вот. Мы встречались в баре и брали таблетки у Смержа. Иногда таблетки, иногда порошок. Ещё — капсулы. И марки — ты не знаешь, такие клочки бумаги. На них картинки. Первую, которую я съел, я помню — на ней была стрекоза. И я всё понял.

Мне становится смешно.

— Что ты понял?

У Кларенса меняется взгляд.

— Давай не сейчас.

— Окей, — закуриваю. А пепельницы в этом баре все разные — прозрачные, стеклянные, в форме птиц и кораблей. Придвигаю к себе стекло... нет. Придвигаю к себе журавля. Люблю журавлей. — Прости за оффтоп, но... К. выплывает из мыслей.

— Да?

— Откуда у вас эти пепельницы?

— Их один из наших сделал. Ну как из наших — из училища святого Планка, они там занимаются пространственным творчеством. Инсталляции, скульптура. Лучшее училище в стране.

— Понятно. Извини. Продолжай.

К. кивает

— Закидывались прямо там, потом часто ходили гулять. Смотрели на дома, на людей. Анализировали происходящее. Потом Леон шёл домой и рисовал. Много рисовал. А как-то мы сидели на набережной и он рисовал, а я просто смотрел. В другой день мы нашли книги. Просто на улице. Старые страницы со стихами столетней давности. Раритет.

Во время этих прогулок что-то росло во мне и окончательно сформировалось где-то к июню (а может, и к маю, здесь холоднее, чем дома). Это было чувство, такое чувство, о котором обычно не говорят.

Смотрит осторожно, будто я ударю. Отвечаю молчанием и спокойным взглядом. Успокойся, не беги, я тебя слушаю, я проехала ради этого две тысячи километров, я не буду смеяться.

— Зависть, — резко выдыхает. — Я понял, что завидую. Не Леонарду, конечно, он был слишком близко, чтобы я мог чувствовать такое. Другим людям: тому, кто прожил жизнь в одной комнате, никуда не уезжая; тому, кто бросил универ, снял дешёвую квартиру, целыми днями накуривается, читает старых поэтов, выходит на улицу только в ближайший магазин; тому, кто упал в ядовитый брак, устроился на мрачную, противную работу и каждую свободную минуту ноет о тяжести бытия; тому, кто собрал свою группу и выступает по грязным клубам и никто его не слушает и не услышит, потому что вместо музыки там — шорох шагов, шум моря; но он уверен, что делает важное дело. Тому, кто считает, что научился говорить на языке реальности, и спит на полу, ездит на машине, которую кто-то подарил, а из соседей у него только большая чёрная собака, похожая на водного дракона.

Тем, кто старше меня, тем, кто младше меня, — К. сверкнул взглядом в стену, — всем завидую. Жизни чужой завидую, жить хочу. Я восхищался каждым человеком, которого встречал. Меня завораживала любая судьба. Внутри что-то загорелось. Звучит так глупо, извини. Что-то загорелось возле сердца. И горит. И тянет куда-то, не дает уснуть.

Смотрю на него неотрывно, К. как будто отодвинулся на шаг.

— Я начал рисовать, знаешь. Такие картины без сюжета, просто цветные (и чёрно-белые) линии. Пытаюсь передать искажённое пространство. Как будто кривая комната, её кто-то сфотографировал, а я обвожу. Прости, что я так рвано.

— Ничего, я понимаю. А что было дальше?

К. улыбается. Улыбается, успокаивается, затихает.

— Ты не поверишь, дорогая Мария, — говорит медленно, делает паузы между словами. Берёт сигарету, кладёт локти на стойку, а её держит пальцами, смотрит в стену (в пустоту, в себя), улыбается, — но дальше не было ничего. Он пропал, вот и всё. Перестал со мной говорить, куда-то уехал. Другие говорили, он болен. Он не вернётся, они говорили. Его больше нет, они говорили. Ты не видел Леонарда? Нет. Я перестал их слушать. Он появился в сентябре и исчез к августу. С тех пор я один.

Он показал мне стрекоз, оставил это сильное чувство и пропал. Я не мог нормально реагировать, вёл себя как придурок. Вроде бы. В памяти — провал.

Я смотрю на стеклянную пепельницу в форме журавля и не знаю, что сказать. Я ждала другого, я всегда жду чего-то другого.

— Слушай, так бывает, — я знаю, что могу этого не говорить, но мне хочется его успокоить, — люди пропадают, это нормально, люди пропадают и потом не появляются, и ты думаешь, что их и не было никогда, и такое происходит постоянно, чаще, чем нам всем бы хотелось.

— Да. Просто со мной такое впервые, — К. становится тихим и грустным, — я так и не понял, что за историю рассказал тебе только что. Была осень, потом была весна, потом зима и теперь снова весна, и мне не с кем говорить. Но это ничего, семнадцать лет до нашей встречи я молчал. И теперь помолчу.

Не знаю, что сказать, закуриваю.

— У меня нет даже таких историй.

К. кивает. Сосредоточенно щёлкает зажигалкой.

— И что ты собираешься делать сейчас?

— Я купил билет в Трих. На вечер среды. В четверг днём уже приеду.

— Мать будет рада.

Кларенс закрывает бар, мы выходим наружу. Совсем взрослый.

— Пока, — киваю направо, — мне туда.

Кларенс глазами показывает влево. Обнимает меня. Кажется, он стал выше. И похудел.

— До встречи.

Под огромной яркой (как прожектор) луной мы расходимся в разные стороны.

2. М 08.05.15

Что можем мы сказать о жизни других людей? Из чего состоит она? Что мы можем сказать о жизни. Что мы можем сказать. Что мы можем. Что мы.
Что?

Что можем мы сказать о жизни других людей? Из чего состоит она?

Течение лет, метание мыслей, смена декораций.

Этим маем декорации были такими — дом на окраине Триха, мать, отец, сад с кустами сирени. С кустами специальной, генетически модифицированной сирени — сад разбит на двенадцать секций, и каждый месяц цветёт одна из них. Круглый год Мария чувствовала запах сирени. Сначала он очаровывал, потом раздражал, пока она не перестала его замечать. Ко

всему привыкаешь, всё теряет значение, даже запахи. Привязываться стоит лишь к тому, что пробирает до дрожи – можно надеяться, что и через двадцать лет останется хоть капля эффекта.

– Мария.

– Что?

– Ты смотрела в окно, будто в бездну. Тебе сделать чай?

– Да, спасибо. Просто задумалась.

08.04.15

Вечером отец просил зайти к нему утром. Подошёл вечером и сказал: «Зайди ко мне утром». Зашла. Долго нёс пургу, ходил вокруг да около, спрашивал про университет, чертежи, Артура, всё спрашивал, будто по списку пошел. Вёл, конечно, куда-то, не сразу поняла. У меня есть друзья, у него есть друзья. Один друг — управляющий в конструкторском бюро. Давний друг. У них открылась вакансия инженера-кораблестроителя. С одной стороны — эта вакансия, с другой, получается, я. Нет, не хочу. Да почему же? Не знаю. Ну, давай зайдём в пятницу, посмотришь офис, вдруг понравится. Зачем? Я обещал. Давай зайдём. Это точно не собеседование? Точно нет.

А потом наступает пятница, отец приходит с работы на полтора часа раньше, сигналит у дома, я сажусь в его блестящую новую машину (я никогда не любила машины), и мы едем, едем мимо домов с палисадниками, мимо трёхэтажных домов, пятиэтажных, на другую сторону города, где дома младше меня и выше деревьев на даче. Этажей десять, может, пятнадцать. В одном из таких находится бюро под огромной табличкой — «Агат».

Поднимаемся на последний этаж, потом долго (на самом деле недолго) сидим в кабинете у папиного друга, он рассказывает, чем занимается их бюро (проектирует промышленные суда — для туристических поездок в основном). Говорит, они хотят расширяться. Делать торговые корабли с большим водоизмещением, ходить за границу. Есть заказы, не хватает специалистов. Смотрит на меня. Мне неловко, я этого не хотела. Я хвалю фирму, говорю, что всегда мечтала работать над большими проектами. Отлично, говорит папин друг. Он видел мои работы в интернете, он готов предложить мне должность, информация придёт на почту, ориентировочно первый рабочий день пятнадцатого числа. Я киваю. Благодарю. Всё решили за меня, какая разница теперь. Смотрю в стену, стараюсь не плакать. Я никогда не плакала на глазах у других людей, на глазах у чужих людей, у людей. Я не плачу в лифте и в машине тоже не плачу, я поддерживаю разговор, захожу в свою комнату и тоже почти не плачу. Я открываю ноутбук и пишу: «Дорогой Артур, я не приду сегодня. И ты не приходи. Всё хорошо, но мне надо побыть одной».

Мария никогда не врёт своему парню. Ей бы даже в голову не пришло соврать. В последний раз, встретив в анкете вопрос «расскажите о себе», М. написала, что лучше всего её характеризует первое воспоминание: порт Триха, толчея, суматоха, слишком много запахов, ей года четыре, держит за руку мать, чтобы не потеряться, и тут — всё меняется, мир останавливается, мир замирает, когда она видит лёгкие корабли с белыми парусами. Они сияют, отличаются от окружающей суеты своим спокойствием и строгостью. Примерно в то же время она учится читать и читает, читает все книги, что находит на полке, а они сплошь о море. Почти не помнит сейчас, почему поступала в университет и зачем училась пять лет, но ведь здание — здание в форме корабля, притягивало взгляд шестнадцатилетней Марии. Не могло быть иначе.

Она всё же плачет. От беспомощности и избытка эмоций. Но всё хорошо. Чем дольше она думает, тем сильнее понимает, что всё хорошо. Уже май, через полтора месяца студенты, которыми она руководит, защитят дипломы и закончат универ, даже не нужно переназначать их на нового куратора. Работа в офисе может означать возможность. Возможность чего-то. Но чего? Мария никогда не хотела получить возможность. Она долго говорит с собой, успокаивает себя. Потом закрывает глаза, представляет цифры. Большие цифры в свете синего фонаря, надвигающиеся на неё. Это Карл рассказал, ей понравилось. Досчитывает до двадцати пяти, засыпает, а утром, как всегда, не помнит, что ей снилось. Что-то смутное рябит на краю памяти, но не открывается. Ну и ладно.

08.05.15

Окна всех спален выходят на солнечную сторону. Это придумал отец, когда проектировал дом. Идея хорошая, но в итоге на всех окнах второго этажа висят плотные тёмные шторы, чтобы солнце не било в глаза. Иногда я ночью смотрю в окно и забываю их задёрнуть и просыпаюсь в шесть утра и не могу уснуть. По утрам птицы поют — если зацепиться за этот звук, потом не уснёшь.

В девять у нас завтрак. На завтрак собираются все, завтрак — это традиция. Мать говорит: первое, что ты должен видеть утром — это твоя семья.

Я прихожу предпоследняя, сразу за мной в столовую вплетается Кларенс. Никто этого не замечает, все слушают историю мамы. Она рассказывает сон — говорит, ей снилась другая планета. Она участвовала в экспедиции, в космической экспедиции, в команде из девяти человек. Сначала они любовались созвездиями и разноцветной пылью, потом погрузились в криокамеры, а когда проснулись, были уже на Венере. Там гравитация совсем другая, поэтому можно летать. И там живут динозавры. Она подошла к одному и протянула руку, как коту. Потом погладила его по голове, заглянула в умные тёмные глаза без зрачков. И проснулась.

Вот снятся же людям интересные вещи.

В голове крутится фраза: «Я хочу быть планетой Венерой. Планетой Венерой со своей атмосферой». А Венера крутится в другую сторону (единственная крутится в правильную сторону), и откуда я знаю это?

Марию никогда не привлекали другие планеты.

К. вопросительно смотрит на меня. Что это с ним? А, точно.

— Сегодня в семь.

— А куда мы идём?

— В бар.

— Это я понял.

К. улыбается. Стоило ехать из одного города в другой, чтобы снова пойти со мной в бар.

— Бар «Вязкий мох». Оловянная улица, дом двадцать два.

К. записывает в телефон, говорит «спасибо». На меня косится мать. Я улыбаюсь, я всё понимаю, вчера у них снова был разговор с отцом (не ссора, нет, они не ссорятся, просто

подолгу говорят). О Кларенсе. Обо мне. Я говорю ей, что всё хорошо. Я обо всём подумала и всё действительно хорошо. Она улыбается, я улыбаюсь.

— Мне пора. Мне действительно пора.

3. капля

— Я отойду на минуту, — всё началось с этой фразы. Всё началось с этой фразы осенью пятого года (Лира тогда училась на втором курсе университета искусств и культуры). На собрании студенческой администрации в широкой светлой переговорной — в центре длинный овальный стол, заваленный сценариями, графиками и схемами. За столом — все старосты факультета. Возле стены — интерактивная доска с планом мероприятий на год. Шумно как в метро.

— Я отойду на минуту, — говорит Лира соседу справа.

— Но скоро твоя презентация.

Лира в те времена только начинала организовывать клуб архитектурных прогулок.

— Я скоро вернусь, — улыбнулась Л. и выскользнула за дверь.

И не вернулась.

В тот день она попала на свою первую встречу первого уровня.

Первый уровень находится в центральном доме культуры любого города. Но если в вас нет принадлежности к сообществу, вы никогда не попадёте на собрание. Нет табличек, нет анонсов. Просто в один день незнакомые между собой люди чувствуют, что им нужно уйти. Их тянет в дом культуры и там они встречаются таких же. Их ничто не связывает между собой, нет великой миссии или общего дела. Поэтому они развлекаются, как могут. Выпивка, игры. Лекции. Рано или поздно у любого стоящего члена сообщества возникает желание уйти с первого уровня. На первом уровне никто, конечно, не говорит и не знает, что это первый уровень. Но примерно через год посещения дома культуры (раз в несколько недель, в строжайшей тайне от друзей и родственников, всегда непредсказуемо), Лире захотелось уйти.

— Я отойду на минуту.

И она пришла в бар. Встретила там некоторых знакомых, обменялись взглядами.

Так это и происходит. Некоторые люди просто должны периодически уходить, не предупреждая. Собор позапрошлого века (именно на эти встречи теперь тянуло Л.) находился на четвёртом уровне. Дом культуры — бар — квартира, состоящая из множества комнат, напоминающая лабиринт — собор с каменными стенами, острой крышей и витражом над высокой массивной дубовой дверью. На витраже — стрекоза, заслоняющая солнце. Просто чёрный силуэт на фоне яркого света. Это создаёт стрекозину тень, ползущую по залу в течение всего дня. Но общество собирается по вечерам, на закате, когда стрекоза находится уже под потолком. Четвёртый уровень.

Когда я подхожу, у памятника уже стоит Лира. Я не опоздала, просто она приходит раньше. Хорошо чувствует время.

— Привет.

Каждый раз теряюсь, когда вижу её. Она выделяется из окружающего пейзажа, будто светится изнутри, будто одежда другого цвета, каких не бывает цветов.

— Привет.

Мы познакомились пару лет назад на лекции по архитектуре. Был длинный цикл лекций в Эр-центре. Мне туда посоветовал сходить отец, сказал, будет полезно для общего развития. Он оказался прав, мне понравилось.

— Представляешь, я видела вчера стрекозу, — половину своих рассказов Л. начинает словом «представляешь». Как будто всё на свете можно представить.

— Не представляю, — улыбаюсь.

— А ты попробуй. Видела вчера кирпичный белый дом, на стене тонкими чёрными линиями — граффити — карта Триха. Её видно, только если присмотреться. Напоминает паутину. Так вот — стрекоза села на эту карту, прямо на мой дом.

— Ничего себе. Мои родители бы сказали, что это дурной знак.

— Думаешь?

— Конечно. «Стрекозы переносят людей, стрекозы приносят смерть», — цитирую старую сказку. — Суеверия всё ещё имеют место, — замечаю справа дом-музей Армарина, — быть.

— Эй, как мы оказались на этой улице? Я думала, она очень далеко.

— А она рядом, — улыбается Лира.

Пространство перестраивается в моей голове, я никогда не ходила этой дорогой. Дом с косыми окнами слева, дом Армарина справа. Деревья по всем сторонам. Нас водили когда-то сюда на экскурсию от школы.

— Тебе снилось что-нибудь сегодня?

— Не помню. А к чему ты это?

Л. смотрит на меня внимательно, говорит:

— Мы пришли. Здесь на самом деле очень близко.

Проходим чуть дальше, дверь направо, изогнутыми буквами на табличке слово «Капля». Удивительно, но выглядит даже неплохо. Хотя казалось бы.

Пространство состоит из комнат со столами из шершавого стекла неровной формы, нигде нет острых углов. Несколько уютных залов, по периметру потолка голубоватые светодиоды. В целом кафе выглядит точно так же, как Лира.

— Концептуально, — не могу удержаться от комментария.

— Это моё любимое место. Часто здесь работаю, — показывает на место у окна, — вот за тем столом. Там есть розетка

В первый день Л. на четвёртом уровне произошло самое необъяснимое событие за всю её жизнь. Локация изменилась, это не удивило — такое бывало и раньше. Полчаса от города, непривычно высокое здание в готическом стиле, дружелюбные коллеги-сообщницы. Впервые — никого знакомого, но это не беда. Всё началось чуть позже.

Всё началось, когда Тай взяла её за руку и потянула в сторону, в небольшую комнатку за алтарём. Ты особенная, сказала она. Мы не знаем, как тебя зовут и что ты делала на предыдущих уровнях, но если ты сейчас здесь — значит ты особенная.

Лире захотелось возразить, но она промолчала. Она давно поняла — если тебе что-то говорят, тихо, вкрадчиво говорят, лучше замолчать и послушать. Время для протестов наступит позже.

— Так что не так со стрекозами? — спрашивает Л. уже после того, как мы выбираем стол (большой, почти овальный) и делаем заказ.

— Ты не знаешь?

Лира отрицательно качает головой.

— Это невозможно, это же история из детства.

— Видимо, у меня было другое детство. Расскажи.

— Ладно. Она не очень длинная, — на секунду закрываю глаза, представляю книгу «Сказки народов мира», толстую, потрёпанную, в оранжевой обложке. Я читала её, наверное, раз пятьдесят. — В далёкой-далёкой стране, в далёком-далёком городе давным-давно жила девочка. Она любила маму и папу, училась на одни пятёрки, и недавно ей исполнилось девять лет. Но в один день в её жизни начали появляться стрекозы — сначала приснилась стрекоза, потом она увидела стрекозу по дороге в школу и той же ночью стрекоза залетела к ней в спальню. Девочка протянула руку, стрекоза наклонила голову, как лошадь; и девочка взобралась к ней на спину. И стрекоза улетела вместе с девочкой.

Делаю паузу.

Цитирую книгу (последнюю фразу я помню наизусть): «Стрекоза улетела в другой мир, мир снов и видений. Девочку больше никто не видел».

— Но родители её искали?

— Конечно. Объявления о пропаже висели на каждом столбе.

— А как люди узнали, что её унесла стрекоза?

— Но это же сказка.

— Может, она сама сбежала.

— Ей было девять.

— Мало ли что.

— Точно. Её унесла стрекоза. Сказка об этом.

— Хорошо.

— Скажи, — чуть громче продолжила Тай, выпрямляясь во весь рост, направляя внимание в сторону окна, — у тебя бывало такое: ты идёшь под дождём среди людей, ни у кого нет зонта, но когда вы заходите в помещение, на твоей одежде оказывается меньше воды, чем у остальных?

Л. покачала головой.

— Никогда не замечала.

— А бывало такое, чтобы ты обжигалась напитком?

— Нет, никогда.

— Даже если он очень горячий?

Пауза. Лира думает, старается вспомнить.

— Мне кажется, — делает паузу, — мне кажется, жидкость не может быть настолько горячей, чтобы обжечь.

— Хорошо, — Тай ходит от одной стены к другой, между Лирой и дверью, взад-вперёд, семь шагов туда, семь обратно, — попробуем по-другому.

Резко разворачивается, вскидывает руки перед собой, складывает пальцы в незнакомый жест (неестественно вывернутые кисти, левая рука накрывает правую — она, что ли, левша?).

И в лицо Л. летит кусок льда. Шар изо льда. Идеальной формы. Очень быстро.

Всё происходит меньше чем за секунду — Л. успевает только зажмурить глаза и вскинуть правую руку перед собой, рефлекторно пытаясь ухватить предмет. Но в ладонь врезается только подтаявший рыхлый комок апрельского снега, разлетается брызгами и стекает вниз.

Л открывает глаза — у ног лужица, рука мокрая. Тай спокойно смотрит на шокированную девушку.

— Что это было?

Потом мы пьём облепиховый чай (я бы никогда не заказала облепиховый чай, но он тоже ничего) и Лира рассказывает о своей выставке, а я залипаю на парочку у самого большого окна. Наверняка театралы. Мужчине сильно за сорок, он в твидовом пиджаке с заплатками на локтях, поучительным тоном что-то рассказывает молодой девушке. Она — в платье вытертого цвета, с простым светлым лицом, внимательно слушает, записывает в коричневый блокнот. Эти люди на улице вызвали бы у меня недоумение, здесь же — среди мягкого света и скруглённых элементов интерьера, смотрятся очень гармонично. У Л. каждый раз получается создать вокруг себя такую атмосферу. Такую же, как она. Я, например, никого не могу привести в такое место, которое будет как я. Да и, наверное, нет такого места. А ведь Л. даже не осознает, что чем-то отличается.

Двигается и говорит спокойно, подстраивает всё под себя. Мягко, но действенно — и все вокруг начинают говорить с её интонацией, использовать её фразы. Я пару месяцев не могла избавиться от «представляешь» и от «душа моя». «Представляешь, душа моя», — два месяца

так начинала диалоги. Никто так не говорит (кроме тех, кто так говорит), ни от кого это не может звучать естественно. Кроме неё.

Мне даже в какой-то момент показалось, что вокруг неё вырастают цветы (у неё дома постоянно стоят цветы — кто-то дарит. Не в знак чего-то, а просто так. Как будто бы так принято, но так нигде не принято. Если ты не Лира), глупость, конечно. Но невозможно же логично объяснить, из-за чего тебе что-то кажется.

А выставка замечательная.

— Десять комнат, десять художников прошлого. Чтобы понять, как каждый из них работал, какие книги читал, как он стал тем самым человеком. Понимаешь?

Киваю.

— Максимальное погружение в личность. В какой-то момент искусство стало историей про конкретных людей.

— Разве так было не всегда?

— Возможно. Но эта выставка именно о прошлом веке, о том, как мы пришли к тому, что называем искусством сегодня (никто его не понимает).

— Не думаю, что когда-то кто-то его понимал.

— То есть, если я правильно услышала, — подытоживает Л., — ты умеешь контролировать воду.

Тай закрывает глаза. И открывает через две секунды. Это значит «да».

— Этот дар присущ не только мне.

В зале кроме них ещё четыре девушки.

— Подожди, не перебивай, — Л. бегаёт взглядом по стенам, хочется за что-то уцепиться, за что-то привычное. Стены каменные, высокие. Всё вокруг приятное, но незнакомое. — Ты не знаешь, когда это началось и сколько будет продолжаться...

Два года назад, мысленно отвечает Тай. Но молчит. Попросили же. Пусть успокоится.

— ...тоже не знаешь. Кто-нибудь в курсе? — Л. адресует вопрос остальным, в качестве ответа получает несколько улыбок. — Ладно. Почему мы здесь?

Никто не знает.

— У нас есть план? Какое-нибудь задание? Предназначение? Что-нибудь?

Похоже, что нет.

— То есть мы просто раз в неделю собираемся в этом соборе, потому что *не можем не прийти*, и пытаемся вспенить вон тот бассейн. Так?

— Примерно так.

— Безумие.

— Всё хорошо.

Тай улыбается, Лира смотрит на неё и понимает, что всё хорошо. Всё в порядке, нужно просто это принять.

Мы выходим из кафе, идём к площади, на которой встретились. Л. говорит, что расставаться надо там же, где встретились. А то не будет завершённости. Надо, чтобы всё имело конец. Это самое главное, говорит она. Слева от площади — фонтан. Широкий квадратный бассейн с водой. С кучей вздымающихся струй. Девятьсот струй, вроде того. Л. смотрит на фонтан и на неё обрушивается воспоминание.

— Знаешь, а ведь мне и правда снился сон. Сегодня. До этого пару месяцев ничего не снилось. А вот сегодня...

— И что там было?

Сегодня Лире приснился сон. Такой явственный вещественный сон, реальнее, чем сама реальность. Море поднялось и застыло в воздухе. Обратилось в фонтан.

— Фонтан.

— Красивый?

Л. заглядывает в телефон, выражение лица меняется

— Слушай, мне на самом деле пора. Давай, я потом расскажу.

— Давай.

После этого несколько ночей Л. не могла уснуть. Смотрела на пятна лунного света на стене напротив кровати (раньше не замечала, что луна светит так ярко в окно через всю комнату). Если пристально смотреть на свет, кажется, что он вот-вот начнет искажаться, как вода (как она могла не замечать раньше), но ничего не происходит. Свет не вода, он не меняется. Лира много говорила с Тай в эти дни. Она вспомнила, что раньше уже чувствовала, что может управлять водой, но потом забывала об этом. Тай сказала, что так и должно быть. Тай сказала, есть как минимум три истории, которые Л. может вспомнить. И Л. вспоминает.

Первая.

Очень, очень давно, мне было, может, лет шесть (или это был сон. С такими давними воспоминаниями нельзя быть уверенной (и без разницы)).

Мы с семьёй проводили лето в съёмном деревянном доме за восемьдесят километров от города. Самый близкий дом к лесу. Можно проснуться и пойти гулять, и заблудиться, и потом найтись. Мне очень нравилось находиться. Если идти по тропинке, минут через десять выходишь к реке. Но нужно перейти такой узкий мост над лесным ручьём. Идёшь по нему, смотришь в быструю воду, голова кружится. Не засмотреться нельзя, взгляд тянется к бурлящему потоку, но потерять равновесие так просто. Так просто, что я потеряла однажды.

Мир покачнулся, и я упала вниз. Перепугалась, конечно. Но сконцентрировалась на том, чтобы двигаться по течению и выбралась на берег. Потом около часа плутала в лесу в поисках знакомой тропы. Всё представляла, как приду домой и родители заругают за мокрую одежду. Но когда я пришла домой, одежда оказалась абсолютно сухой. Сухой и чистой. Будто не было ничего. И я ни с кем это не обсуждала и забыла, и никогда бы не вспоминала.

Но вспомнила.

4. бар «Вязкий мох» 08.05.15

— Я никогда не переезжала в другой город, — говорит Мария.

Рина делает глоток. Кларенс делает глоток.

— Эй, а ты куда переехала? — спрашивает Карл.

— Сюда.

— Точно.

— Мы пять лет вместе учились, неужели забыл?

— Всегда воспринимал тебя как должное.

Рина показывает ему язык. Смеётся.

— Теперь твоя очередь, — напоминает Карл.

Рина задумывается на секунду.

— Я никогда не вела дневник.

Кларенс делает глоток. Карл делает глоток. Мария делает глоток.

— Бинго, — радуется Рина, — всех вас завалила.

— Нашла чему радоваться, — комментирует Карл, — дневник укрепляет память и занимает вечера.

— А ещё помогает окунуться в ностальгию. Это, знаешь ли, та ещё отравка.

— Звучит как тост. За ностальгию, — Карл поднимает бокал, — то есть, конечно, против неё. Не чокаясь.

Все пьют.

Мария протягивает руку над столом и легонько стучит брата по плечу:

— Твоя очередь.

Кларенс хмурит лоб.

— Я никогда не придумывал план корабля.

Мария пьёт. Рина пьёт.

— Карл, ты должен выпить, — подсказывает Кларенс.

— Ничего подобного. Я ничего не выдумывал в своем дипломе, просто взял два чужих чертежа и совместил.

— Все равно считается.

— Считается, — подтверждает Мария.

— Не считается.

— Ладно, не считается, — Кларенс быстро сдаётся.

Мария, Рина и Карл учились в Морском Техническом Университете. С выпускного прошёл уже год, но они видятся раз в несколько месяцев.

— Кстати, как? — спрашивает Кларенс. — Расскажите мне, есть ли жизнь после универа? Как у вас с работой?

— Всё в порядке, — улыбается Рина, — два раза завалила собеседование, на третий раз повезло. Коллектив приятный, проекты интересные.

— А так бывает? — спрашивает Кларенс.

— Всё бывает, — Рина делает глоток.

— Вне игры не пьём.

— Извини.

Кларенс поворачивает голову влево, смотрит на Карла.

— Я никогда и не планировал работать по специальности, — усмехается Карл.

Мария делает глоток. Рина делает глоток. Кларенс делает глоток.

— Это как? — спрашивает Кларенс.

— Мне всегда нравилось рисовать. На втором курсе начал делать портреты на заказ, собрал портфолио. Этим и живу. Всё лучше, чем унылые корабли.

— Никогда не считала корабли унылыми, — говорит Мария.

Кларенс делает глоток. Карл делает глоток.

— А у тебя как дела с работой?

— Уже месяц хожу в «Агат». Думала, будет хуже. А там, знаешь, даже здорово. Мы планируем построить огромное торговое судно. Гигантское. Такого ещё не было.

— Где-то я уже слышал что-то подобное.

— Я никогда не слышала ничего подобного, — говорит Мария.

Все пьют.

— Я никогда не оставалась без работы и учебы дольше, чем на месяц, — говорит Рина.

Кларенс делает глоток. Мария делает глоток.

— Эй, а ты когда оставался? — Мария в упор смотрит на брата.

— Например, сейчас.

— Совсем никаких планов на лето?

— Я никогда не строил планы на лето.

Карл делает глоток. Мария делает глоток. Рина делает глоток.

— Это как? — спрашивает Карл.

— Просто шёл, куда шёл, занимался тем же, чем и всегда, а вокруг менялись времена года. Я не обращал на них внимания, — Кларенс задумчиво смотрит в пространство между Марией и Риной. — Всё куда-то течёт. Знаешь, я всегда хотел рисовать.

— В таком случае — рисуй, это не так сложно. Я вот всю жизнь рисую и точно могу сказать, что лучше этого ничего быть не может.

Кларенс переводит взгляд на Карла.

— Нет, я не такой человек. Я не художник.

— Никто не художник.

Кларенс улыбается.

— Я никогда не умел притворяться, — тихо говорит Карл.

Рина делает глоток. Кларенс делает глоток.

Кларенс переводит взгляд на Марию. Она резко встает.

— Нам пора. Подошёл трамвай.

Рина понимающе кивает.

Мария выходит из бара. Кларенс оставляет деньги, окидывает друзей извиняющимся взглядом, произносит:

— Рад был вас видеть.

Выходит вслед за сестрой.

— С каких пор трамваи ходят в такое время? Мы же не в Столице.

— С прошлого лета.

— А, — разговор обрывается.

Кларенс не знает, что сказать.

Смотрит на сестру, в окно за её головой, снова на неё. Так давно не ездил по этим улицам. Но невозможно забыть путь домой. Свет фонарей колеблется от движения.

— Как там Артур?

— Всё хорошо. — Мария отвечает не задумываясь. — На прошлой неделе отметили годовщину, он подарил мне гитару и самоучитель. Давно хотела научиться играть.

— И как? Получается?

— Ну так.

— А ты что ему подарила?

— Пальцы немного болят от струн.

— Ты забыла про годовщину?

— Зато скоро я смогу играть джаз.

— Мария?

— Ну бывает же, с кем не бывает.

Мы переглядываемся и смеемся.

Остановка. До дома семь минут пешком по гравийной дорожке. Семь минут — это примерно восемьсот шагов, — вспоминает М. Привычка осталась от Карла — в студенческие годы он все расстояния измерял в шагах.

— Я не думал, что ты можешь забывать что-то такое, — в представлении К. Мария была почти самым ответственным человеком на свете, — занятный парень, должно быть.

— Я вас как-нибудь познакомлю.

— Спасибо, — Кларенс пытается уловить в лице сестры хоть что-нибудь, похожее на нежность. Ту нежность, с которой говорят о любимом человеке. Но на улице темно, и Кларенс пьян. С какого-то момента он перестал различать свои состояния.

— Давай покурим, — в свете зажигалки глаза брата кажутся тёмно-серыми. К. не отрывает взгляд от лица сестры.

— С тобой всё нормально?

— Да, — М. смотрит на звёзды, продолжает, немного растягивая слова, — всё хорошо, правда. Просто я устала.

— Могу понять.

— Ты-то не устал?

— Знаешь, если об этом не думать, то чувствуешь себя бодрым.

Слова заканчиваются быстрее, чем сигарета. Мария открывает дверь. В доме совсем темно.

— Должно быть, все уже спят. Веди себя потише.

— Я постараюсь.

Мария мысленно кивает. Конечно, он постарается. Сделает всё, что в его силах. Тихим он быть не умеет, постоянно шумит, даже когда молчит. То споткнется обо что-нибудь, то уронит телефон. И ходит громко.

— Спокойной ночи, — Мария обнимает брата, тихо проскальзывает в свою комнату.

Кларенс остаётся в темноте, тщетно пытаясь понять, как она успевает всё делать с такой скоростью. Вспоминает, что её последние два коктейля в баре были безалкогольными. Трясёт головой, куда ему.

Кларенс заходит в свою комнату, замирает на пороге. Смотрит на лунный свет, разлившийся по стенам. Он жил в этом доме, в этой комнате первые семнадцать лет. Мог не возвращаться — не захотел. Нет никакого смысла в Рахрейтене без Леона. Кларенс смотрит в экран телефона. На часах 02:11. Пора спать.

5. сны 08.06.15

Со всех сторон что-то грохочет, окна лентой по периметру вагона, со всех сторон, за ними — провода и серые стены. Очень громко, я закрываю уши руками. Громко со всех сторон. Пространство становится чётким только там, где я внимательно на него посмотрю. Что за чёрт.

Спустя пару часов я привыкаю. Я ко всему привыкаю, но до чего долгие эти два часа. В конце вагона скапливается толпа, я подхожу к ним. Возле стены сидит гадалка, худая девушка в сером балахоне, с дредами, с блестящими глазами, смотрящими не на собеседника, смотрящими куда-то в пустоту. Женщина садится рядом, гадалка берёт её руку в свои, смотрит на ладонь, водит пальцем по линиям, рассказывает длинную историю. Про любовь и работу, про семью и двадцатый год. Женщина говорит «спасибо». К гадалке подходит мужчина, и снова — она берёт его за руку, рассказывает что-то про его предназначение, про его будущее. К гадалке подхожу я — она берёт меня за руку, она держит мою руку буквально несколько секунд.

— Тебя здесь нет.

— Что?

— Все остальные — настоящие. А ты призрак. Тебя здесь нет.

— Что это значит?

Я становлюсь прозрачнее, вижу себя со стороны — точно, я менее плотный, чем остальные.

Я просыпаюсь.

Я лежу правой стороной лба на своей руке. Рука лежит на столе. Стол находится в «баре Роз». В рахрейтенском «баре Роз».

Вторая.

Это был первый экзамен для приёма в университет. Я всегда волновалась, накручивала себя, очень нервничала. В тот день не могла ручку держать, руки тряслись. Для уверенности я надела белую блузку из плотной ткани с широкими рукавами. Разве может переживать из-за экзаменов такая серьёзная девушка? Одежда — это тоже язык.

А первый экзамен — письменный. Устно я бы точно справилась лучше, я успокаиваюсь, когда разговариваю с людьми, я бы уболтала комиссию. Но экзамен был письменный, из трёх частей — тест, открытые вопросы и небольшое эссе на свободную тему (я в то время как раз начала увлекаться архитектурой и вдохновенно настрочила пару тысяч знаков про модерн). До конца экзамена оставалось около четверти часа, я взяла листок, чтобы проверить ответы, но когда его переворачивала, задела стакан с водой, заботливо предоставленный комиссией.

И в эту секунду время замедлилось. Стакан качнулся очень сильно, я уже представила, как вода заливает страницу с эссе (и это было ужасно, шанс пересдать появился бы только на будущий год).

И я одновременно сделала две вещи: схватила листок, потянула на себя и закрыла глаза, чтобы не слышать звук падающего стакана. Но когда через несколько секунд я рискнула взглянуть на стол, то обнаружила стакан, лежащий на боку, но направленный в обратную сторону от моих бумаг. Вода быстро стекала на пол за пределами стола. Я выдохнула. Мне крупно повезло.

Кажется, я перебрал и уснул за столиком. Справа стойка, слева Леон, напротив сидит-улыбается Смерж, все направлены в обратную сторону. Никто не заметил, что я уснул. Все смотрят на джаз-бенд, который играет для гостей этого бара сегодня.

Музыка внезапно затихает, Смерж бросает косой взгляд на меня, подмигивает и быстро выходит из бара, Леон берёт меня за руку, и мы тоже выходим. Быстро идём по улице под звук наших шагов.

— Куда мы идём?

— Смерж обещал показать новое отличное место.

— Да? — смотрю на Леона, пытаюсь поймать его взгляд. — Зачем нам туда?

Леон на меня не смотрит. Мы как будто спешим.

“Отличное место” находится на одной из широких шумных светлых улиц. Такие не любим ни я, ни он. В прошлом веке эта улица была самой важной во всём городе, сейчас центр переместился немного западнее. Идём мимо площади, переходим канал поперёк по полукруглому мосту. Мы часто здесь ходим, мы много гуляем, всё уже обходили. Напротив высокого собора с колоннами, в здании, четверть которого имеет прозрачные наружные стены. Верхний правый прозрачный угол. Клуб «Порт».

Внутри темно, внутри громко, много людей, круглые столики, пятнистый цветной свет. Бьёт по глазам, не люблю такое. Всё в красных оттенках. Леон улыбается, он рад сидеть за этим столом напротив меня в этом клубе в этой толпе. Я хочу уйти. Я смотрю на него, я не смотрю на Смержа, — давай уйдём, но он не понимает зачем. Это плохое место, не нужно здесь быть.

— Тогда я пойду.

— Я тебя догоню.

Я киваю, конечно, догонит. Это уже не важно, я просто хочу оказаться подальше отсюда. Иду сквозь толпу, сквозь музыку, сквозь свет. Открываю дверь, ошибаюсь дверью, понимаю, что я в туалете. Ладно, всё лучше, чем там. Открываю кран, вода холодная — почему она везде и всегда такая холодная? Поднимаю глаза. Вижу себя в зеркале. Себя — не себя. Двухметрового серого богомола. С очень длинными конечностями. Как будто на каждой руке по несколько локтей. Голова тоже не моя — серая, угловатая, вместо глаз — облака тумана.

Нужно убираться отсюда. Рывком открываю дверь, расталкиваю людей в поисках выхода. И не нахожу его с первого раза. Со второго тоже не нахожу. И сбиваюсь со счёта.

Мне удаётся выйти с танцпола в безлюдный зал. Одна стена у него прозрачная и за ней видно собор. Здесь тоже красный свет и через него улица выглядит устрашающе. Как сквозь пожар.

— Тебе нужно зацепиться за музыку.

— Что? — я оборачиваюсь в попытке понять, кто это сказал.

— Музыка это твой выход. Тебе нужно зацепиться за музыку и тогда ты выйдешь отсюда.

— Что за бред?

Я иду вдоль стены направо, но там нет двери. Я иду налево, и там её тоже нет. Я сажусь на пол, обнимаю колени руками, остановите эту войну, пожалуйста, мне не нравится, что вокруг всё красное, я просто хочу домой. Я перестану смотреть перед собой, я перестану думать, я закрываю глаза, начинаю слушать то, что играет в соседнем зале. Какая-то электронщина. Пиу-пиу. Как из прошлого века. Как из компьютерных игр. Кто вообще будет слушать такое. Я чувствую, как становлюсь дальше. Я чувствую, как становлюсь выше.

Третья.

А третьей историей был сон. Лира вспомнила один (Л. хорошо помнит свои сны. Л. была уверена, что хорошо помнит свои сны, пока не вспомнила этот). Он повторялся много раз, один и тот же, как она могла забыть. Он всегда начинался с поезда. Обычный поезд до соседнего города. Такие едут по маршрутам не дальше трёхсот километров. Лето, закрытые окна, кондиционированный воздух, в вагоне человек двадцать.

Л. сидит у окна, сидит одна, напротив и рядом — никого. Через какое-то время поезд проезжает под мостом. На десяток секунд становится темно. Потом — ещё один мост, пошире, темнота затягивается чуть дольше. Потом — тоннель. Поезд въезжает в тоннель, загораются лампочки, вид за окном теряется, его заслоняет тёмная муть. Так проходит какое-то время, где-то около четверти поездки. А потом.

Потом поезд въезжал в море. Первые секунды это было красиво и правильно, но потом вода начинала просачиваться через щели в окнах и дверях, затапливать салон, люди паниковали, куда-то звонили, машинист говорил по громкой связи невнятные фразы (часто ещё и на чужом языке). Иногда на этом моменте Л. просыпалась. Но чаще — она смотрела на окно справа от себя, на него снаружи давила вода, сначала она просачивалась сверху тонкими струйками, потом начинала бить и сбоку, под довольно сильным напором. Но она не затрагивала Л. Она била снаружи внутрь, огибая Лиру, как будто та была неприкосновенна. Потом на стекле появлялись трещины, от краёв к центру, трещины складывались в рисунок — в стрекозу.

Л. замороженно следила за этим, но как только последний штрих был закончен, стекло окончательно трескалось, и вода, уже ничем не сдерживаемая, прорывалась в вагон. На этом моменте Лира всегда просыпалась (часто после этих снов её тело охватывал сонный паралич, она просыпалась в своей студии, на спине, лицом кверху, совершенно не помня, как она здесь оказалась, без возможности шевельнуться). Лира не уверена, что рада, что снова знает это.

Я не чувствую рук, но помню, что они у меня есть. С пятого раза удастся прикоснуться к лицу, ещё через несколько попыток я открываю глаза. Мир дёргается, крутится, скачет, не стоит на месте. Мне нехорошо, гораздо проще снова провалиться в чёрную пустоту с красными пятнами. Первым делом зажигаю лампу для чтения. Включаю-выключаю. Щёлк-щёлк. Несколько раз. Всё в порядке, свет ведёт себя правильно, это не сон.

Понимаю, что если усну ещё раз, то всё вернётся. Зажигаю свет в комнате, в коридоре, прохожу мимо ванной, в ней тоже зажигаю свет. Пусть будет светло.

В зеркало смотреть страшно, но я смотрю в зеркало. Себе в серые глаза. Я ещё помню то существо с длинными конечностями (никогда не смотрите в зеркало во сне). Фу, гадость. В

телефоне светится сообщение от Марии: «жду тебя в семь». С тех пор как я съехал, мы не виделись. Я сказал ей, что шесть дней в неделю работаю и очень занят. Зря.

5.5. М

Дни один за другим, спокойные, тихие. Кларенс переехал в какую-то комнату в старом городе. Нашёл работу и покинул родительский дом. Сложно ему, наверное, было бы вернуться насовсем. Дома ничего не изменилось, но он изменился. Это заметно. Я пока не решила, грустно это или хорошо.

Каждый день Мария ходит на работу. К восьми утра, то есть вставать нужно в половину седьмого, потом ехать в трамвае в толпе через весь город, через окна смотреть на рассвет. Здание высокое — блестящий бизнес-центр. Утром красивый — в темноте страшный. Офис на шестом этаже. Пропускной режим. Вход по карточкам. Пройти турникет нужно строго до восьми утра, уйти можно только после пяти. Каждую минуту опоздания пересчитывают на деньги и вычитают из зарплаты. Организация старого типа. Очень глупо. Но кроме этого — хорошая техника, опытные коллеги, интересный проект. Корабль, который проектирует М., называется «Ангел» и он ей очень нравится. Она видит его в стиле лайнеров прошлого века — со скруглёнными углами, с полосами по периметру. Это обычное торговое судно, только очень большое. Таких в бюро раньше не делали.

Когда М. начинает работать, уже составлен и утверждён технический проект, так что всё своё время (все семь недель ежеутренних проходов через турникет) М. посвящает рабочим чертежам. Ей нравится.

Вечера проходят в одиноких прогулках (за день голова перегружается шумом и линиями, не остаётся сил на людей). Потом, обязательно — ужин с матерью и отцом. Или — встреча с Артуром. Всё чаще М. ловит себя на том, что, разговаривая с ним, она смотрит в другую сторону, пропускает его фразы мимо ушей и считает минуты. Так и должно быть? Она не знает. Поэтому в четверг она говорит, что занята и в пятницу она тоже занята, а на выходных, на выходных да, можно съездить за город, взять ещё Истра и Милу, пожарить овощей на огне, смотреть на море, играть в слова. Так ведь должно быть?

6. море 07.06.15

— Теперь ты будешь жить здесь, — проговорила хозяйка, первой зайдя в квартиру.

Налево — кухня. Чуть дальше и налево — комната. Между ними — стеклянная стена. Старые обои, паркетный пол. Так люди и живут. Наверное.

— Солнце утром светит в окна, так что с вечера прикрывай чем-нибудь.

— Хорошо.

Я смотрел эту квартиру пару дней назад. Другие тоже смотрел.

— Деньги я вам уже перевёл.

— Отлично. В шкафу на кухне — девять видов чая. Ни в чём себе не отказывай.

— Спасибо.

Я обменял подписанный договор на ключи. И остался один.

— Теперь я буду жить здесь, — вполголоса повторяет Кларенс. В комнате только стол, шкаф и кровать. Ещё зеркало на стене. На стол нужно положить ноутбук, на верхнюю полку шкафа — книги.

Кларенс подходит к зеркалу, всматривается в своё лицо, как в лицо незнакомца. «Это точно я?» — думает он. Ни в чём не уверен. В правом кармане лежит маркер. Кларенс достаёт его и ведёт по гладкой поверхности. Обводит контуром своё отражение. «Это я».

Раньше бы это назвали магией, другие назвали бы это сном или приходом, и я не уверена, что это было на самом деле. Может, действительно только в моей голове.

В первые три месяца Лира овладела основными техниками управления, познакомилась со всеми сообщниками. В одиночку Л. могла отклонить направленный поток воды, создать небольшую (до полуметра в высоту) волну в бассейне, перемещать и искажать около литра любой жидкости. На собраниях они обычно становились рядом, все вместе, объединяли силы, и общая волна в бассейне могла достигать пяти метров. К марту Лира начала учиться замораживать и нагревать. Получалось не сразу, но Тай говорила, что это непросто. Раз в месяц (в последнее воскресенье) общество перемещалось из храма к тихому озеру — километров на двадцать ближе к городу. В озере было больше воды, чем в бассейне, каждый раз они пытались создать две больших волны, чтобы между ними было видно дно.

— Кажется, я читала похожую историю.

— Какую?

— Про человека, который смог вот так раздвинуть море и провести по дну группу людей.

— Ну не знаю, — улыбается Тай, — из всех знакомых мне *управляющих* никто не обладает такой силой. Если встретишь того человека, ты мне скажи.

— Не встречу. Он был из книжки.

— Мы все из книжки.

Дни К. протекали в ритме, только ему понятном, отдельном от остального мира. Утро сместилось к двум-трём часам дня, он просыпался, часто не имея возможности пошевелиться, лежал и смотрел в одну точку. Каждый раз заново вспоминал, что он делает в этой комнате. Каждый раз получалось вспомнить. Первым делом К. возвращал себя миру — долго смотрел в зеркало, умещая голову в чёрном контуре. Вспоминал, как он выглядит. Длина волос, цвет

глаз. Голубые, они с детства были голубые. Нет же, серые. К. приближает лицо, смотрит внимательно. Всё же серые. Значит — ошибся. Забыл. Бывает.

Если долго пялиться в потолок, можно понять, насколько он белый. Насколько. Он. Белый.

Немного шершавый. Можно вспомнить вещи, которые были, а может, и не были. Лето, Леон, скамейка, зелёные-зелёные деревья.

— Что будешь делать, если я умру?

— Запишу все наши разговоры на тысячу листов, сложу из них журавликов и буду пускать из окна. На похороны не пойду, это всё патетика.

Как будто летающие журавлики — не патетика.

В эту квартиру я въехал первого июня. За два года универа совсем отвык жить с родителями. Здесь хорошо, ничего лишнего, никого кроме меня. Между кухней и комнатой — прозрачная стена с водой. Можно смотреть долго-долго. Рыбок бы туда.

— Я просто хочу, чтобы ты поняла. Послушай, пожалуйста. Я делаю так и вот так, — Лира кладет кисть правой руки на локоть левой, кисть левой руки на локоть правой (левая рука оказывается сверху), переносит их за голову, кивает в сторону отключенного фонтана, — смотри.

Он занимает треть зала и во время тренировок всегда выключен. Просто бассейн с водой.

— Я ничего не вижу.

— Тай, посмотри в точку, в которую я смотрю.

Тай смотрит, но ничего не происходит. Как будто совсем ничего. Она подходит ближе, вглядывается в чуть рябщую гладь. «Да здесь же ничего нет». Оглядывается на Лире, она сосредоточенно стоит в той же позе и смотрит на воду.

— Не вижу, — она возвращается к Лире. — Что ты хотела мне показать?

Не размыкая рук, не переноса их из-за головы, Лира на секунду переводит взгляд на подол платья Тай и кивает. Тай смотрит вниз — весь подол в каплях. Как будто дождь шёл снизу вверх.

Тай удивленно смотрит на Л., снова подходит к тому же месту у бассейна, опускается на корточки и смотрит сбоку. Поверхность дрожит, капли отрываются от неё и взлетают вверх и крутятся там, некоторые падают вниз. «Ничего себе».

— Здесь около пяти квадратных метров.

— Я знаю.

— Брызг становится больше. И они взлетают выше.

— Хорошо. Мне даже отсюда видно.

— Поразительно.

Тай подходит к Лире, та расцепляет руки, отходит к стене, садится на скамью, прислоняется спиной, жадно дышит. Вода в бассейне успокаивается.

— У меня вчера это получилось. В тарелке.

Тай кивает, кладет Л. руку на плечо.

— Давай пока никому не говорить.

— Да. Просто хотела тебе показать.

— Я поняла.

«Мяу-мяу-мяу» — звонит телефон. Кларенс всматривается в экран: «Ваш заказ подтвержден. Местоположение уточните у продавца». Тут же приходит второе сообщение:

«Полиэтиленовый пакет, обмотан чёрной изолентой, перекрёсток у трамвайного парка, гараж номер семьдесят восемь». И фотография.

Что ещё за гараж?

Пора.

Вспомнить, где находится этот перекрёсток, (а он далеко, на другом конце города), вспомнить, как в детстве решил узнать, чем кончается эта дорога из центра — а на ней брусчатка сменилась асфальтом, потом асфальт перешёл в гравий и я оказался здесь. То есть там. В начале неопознанного пустыря. Составить маршрут, выйти из дома. Трамвайная остановка далеко, минут двадцать идти, но это хорошие двадцать минут — вдоль пруда через парк. Утки, деревья с широкими кронами. Я бы хотел показать всё это Леону. И трамваи — старые, дребезжащие. Таких нет в Рахрейтене (таких нет больше нигде). Ему бы понравилось.

Дождаться трамвая, первым зайти внутрь, загадать — если в ближайшую дверь войдет мужчина, то Леон однажды объявится; если женщина — я не увижу его никогда. Но никто не заходит в ту дверь, она закрывается и мы едем.

Впрочем, как всегда. Я не умею говорить с реальностью, я не тот человек. Никаких для меня ответов.

Заглянуть в телефон, три процента заряда — недолго ему осталось. Выключаю и снова включаю, когда выхожу из трамвая. Два процента.

Общество собирается каждую неделю по воскресеньям в семь. Никто не знает, когда это началось, потому что состав периодически меняется. Примерно каждые девять недель появляется кто-нибудь новенький (после Лиры пришли Ада и Марта). Иногда люди перестают посещать собрания. Обычно если кто-нибудь не придёт один раз — значит, не придёт больше никогда. Даже Тай (Тай была раньше всех, все знают Тай) не может называть причин. Она старается не говорить об этом даже с собой.

Раньше на этом месте был пустырь, теперь же — сплошные ряды коричнево-серых железных гаражей. Все одинаковые, но все пронумерованные. Похоже на лабиринт из цифр. Передо мной гараж под номером 780. Иронично, ведь мне нужен семьдесят восьмой. Смотрю в карту больше, чем по сторонам. Налево, потом направо. Направо, направо, направо. Разве я не иду по кругу? Номера на стенах сменяют друг друга безо всякой логики. Триста девяносто один. Пятьсот шестьдесят четыре. Двадцать три. Семьдесят восемь. Мне сюда.

Тайник нахожу быстро — под чёрной изолянткой оказывается жестяная коробочка. На ней написано «конфеты». Внутри — шесть ярко-оранжевых таблеток. На каждой вытеснена буква «Т» — по названию действующего вещества. Ещё их называют светлячки. Они не светятся по-настоящему, просто очень яркие. Флуоресцентные. Удобно, если живёшь в темноте. Глотаю одну таблетку. Остается пять.

В эту же минуту телефон напоминает о себе — сжато мяукает последний раз и отключается.

— Ну и ладно, — говорю вслух, — не очень-то и хотелось.

Всё равно никто не слышит.

Так я остаюсь посреди лабиринта из цифр. Где-то в центре. Или нет. Ничего не понятно. Гараж за моей спиной (двести шестьдесят шестой) исписан целиком. Каким-то странным почерком, нет пробелов между буквами, строчки длинные, читать сложно.

Вглядываюсь: «Правило номер один — ты всегда один. Правило номер три — другим помогай, от них ничего не жди». Рядом валяется маркер. Поднимаю его и зачёркиваю, заштриховываю эти записи. Бред такой.

Это — мой (теперь и мой тоже) способ изменить реальность. Зачеркивать то, чего никто и так не видит. Через несколько минут мир становится чище. Просто серая стена в чёрную горизонтальную полосу. Кладу маркер в правый карман. Так будет с каждым.

Над головой стрекозы. Стайка стрекоз, будто над озером. Их бы мог рисовать Леонард. Отмахиваюсь от них, захожу за полосатый гараж — номера становятся четырёхзначными. На некоторых гаражах — надписи, но не вроде той, что я видел, а попроще. «Жизнь боль», «не спи, художник», «они на тебя смотрят». Ничего интересного.

На следующее собрание Лира пришла раньше всех. Всю неделю она тренировалась поднимать брызги дома. Зашла в храм, бросила вещи на ближайшую скамью, направилась напрямик к бассейну. Никого не было в храме, никого не должно было быть в храме, но у бассейна она обнаружила Марту.

Марта занималась тем, что поднимала брызги. Пять квадратных метров бассейна, примерно метр в высоту. И всё выше и выше. Л. встала в паре шагов сзади, у её правого плеча, подождала пока вода утихнет (Марта не могла не заметить, что кто-то пришёл. Сообщницы хорошо чувствовали друг друга).

— Это я делала всю неделю, — сообщила Марта.

— Отлично, — улыбнулась Л., — а вот, что я делала всю неделю.

Она подошла к бассейну, закинула кисть правой руки на локоть левой, кисть левой руки на локоть правой, перенесла руки за голову. Обе девушки посмотрели в сторону бассейна. Вода, сначала спокойная, начала рябить и волноваться, капли взлетали вверх и вбок.

— Поверхность захвата около восьми метров, — быстро прикинула Марта, — ничего себе. Как это получилось?

— Не знаю.

От таблеток время растягивается, и я точно не знаю, сколько брожу здесь. Гаражи справа, гаражи слева, надписи уже исчезли, цифры стали пятизначными. Пространство немного качается, искажается под моим взглядом. И я качаюсь вместе с ним.

В какой-то момент гаражи заканчиваются, чтобы снова начаться. И снова заканчиваются, и в этот раз я захожу внутрь.

Всё состоит из граней. Я знаю, что стены состоят из бетона, дерева или кирпича, но даже после этих знаний я абсолютно уверен, что стены состоят из стен, асфальт — из асфальта, стихи из стихов, а уличные кошки — из улиц и кошек. Но из чего состоят стены, когда они дышат?

— Те же стены плюс твой упоротый взгляд.

— Что?

— Вокруг тебя стены дышат, мальчик.

И правда. Помещение огромное, потолки высокие, и каждая стена поднимается и опускается в такт моему дыханию.

— Ты тоже видишь это? — ошеломленно смотрю на девушку.

— Все это видят.

О, да здесь ещё четыре человека. Что они забыли в этом месте? На руку девушке садится стрекоза, она её стряхивает быстрым движением.

— В таком случае я пойду.

— Не хочешь остаться?

— Нет.

Смотрю на девушку — кажется, я где-то её видел. Длинная белая майка, дреды, высокие кроссовки, узкие джинсы. Пронзительный взгляд. Она всё знает обо мне.

Резко разворачиваюсь и ухожу. Если не смотреть на стены, они вроде и не дышат.

— До встречи, Кларенс.

Быстрым шагом выхожу под небо. Что это было? Что бы об этом сказал Леон? Лучше не думать. Есть вероятность, что меня окончательно заглощило. И отпустило. Глотаю ещё таблетку. Иду к остановке. Откуда я знаю, где остановка? Кажется, что всегда знал. Но ведь ещё недавно не знал. Ладно, без разницы. Хочу домой, смотреть на стену с водой, читать старые книги.

7. шум

В ту встречу было решено поехать не на озеро, а на море. Оказалось, что каждая пробовала поднимать воду. Тай с Лирой начали раньше всех, а Марта, Ада и Кристина только на этой неделе. Так что было решено ехать на море. Их вело то же чувство, что привело когда-то в дом культуры, то же чувство, что привело на четвёртый уровень.

Зайдя в комнату, я понимаю, что уже шесть. Смотрю на часы, а на них 18:22. Чёрт, Мария. Ставлю телефон на зарядку (лучше что-то, чем ничего), иду в ванную, плещу в лицо холодной водой. Смотрю на себя — зрачки широкие, волосы взъерошены. Смотрю вокруг — всё состоит из лучей, разных цветов и плавных движений. Накрыло меня, значит. С головой. Ещё час и совсем потеряюсь. В таком состоянии лучше никуда не идти, а написать «прости, не могу, устал от работы». Глаза совсем тёмные. Но я соскучился по Марии, не видел её несколько недель (мне незачем её видеть), с ней что-то происходит, я бы хотел поговорить. И я включаю телефон, беру наушники, выкладываю маркер и бегу к остановке. Успеть бы к семи.

А море спокойное. Прилив был час назад, вода стояла в облаках. Идеально для большого эксперимента.

Ещё вчера Тай нашла на карте безлюдное место — крутой лесистый берег в нескольких километрах от рыбацкой пристани. Машина не проедет, одиночки-рыбаки там ходить не любят, жилых домов поблизости нет. Вязы стоят близко друг к другу, свет почти не достаёт земли. Только серые лесные стрекозы перелетают с дерева на дерево.

Девушки быстро преодолевают расстояние от шоссе до моря, до самого края, там где земля держится на прибрежных скалах, и замирают на одинаковом расстоянии друг от друга, не отрывая взгляды от горизонта.

Тай скажет, когда пора.

Мысли — это осы. Рой ос, они выются вокруг головы и в голове. Кларенс думает об этом, садясь в трамвай. Включает плеер, смотрит в окно. Девять остановок, мост. Пиу-пиу. Двадцать второго марта был концерт. В клубе «Порт». Одно из последнего, что успел сделать в Рахрейтене. Восемьдесят четыре дня назад. Кларенс отлично считает дни.

Не то, чтобы мне было, чем там заняться. Я давно заглядывался на этот клуб — в форме куба, наружные стены — из стен (есть такой материал — стены), но внутри — прозрачные перемычки. Прозрачный пол, прозрачный потолок. Пиу-пиу. Восемьдесят четыре дня Кларенс слушает один и тот же плейлист. Он называется «Zmurgvsss», а треки — по названию месяцев. Май, июнь — и так далее. Альбом начинается с мая и кончается апрелем. Странно, что так.

— Как твоя работа?

— А как твоя?

— Лучше тебе не знать.

К. усмехается. Так всё и будет, наверняка так всё и будет.

Трек обрывается посередине. Телефон снова сел. Я залипаю в окно ещё на двенадцать остановок и одну гравийную дорожку. Её хватило бы на полтора трека.

У двери понимаю, что забыл дома ключ. Жму на звонок, как чужой. Слышу пение птиц, странное такое, не щебет, а мягкие курлыки. У нас всегда был такой звонок?

— Забыл ключ? — Мария открывает дверь, улыбается, обнимает меня. Она всё понимает (она ничего не понимает).

— Да, замотался.

Сегодня М. не уходила дальше соседней комнаты, в которой мы жили в детстве. Сейчас там иногда живут друзья родителей — когда приезжают в гости; и постоянно — коробки со старыми фотографиями.

— Смотри, что я нашла, — она очень хочет что-то мне показать. — Фотка из детского лагеря. На ней человек сорок — вся смена. Я стою на пару рядов выше Марии, улыбаюсь, она обнимается с девушками в оранжевых футболках — вожатыми. Мария всегда дружила с вожатыми.

— Ничего себе, — я стараюсь не вглядываться в лица, — с тех пор уже прошло сто лет.

— Да, тут есть подпись, — М. переворачивает фото, — это четвёртый год.

— Надо же. И такой тоже был, — К. сложно осмыслить, насколько это далеко. — Мне нужно зарядить телефон.

Потом мы обсуждаем то лето — как целый месяц искали клад, а был он в море, мы ныряли по очереди и разгадывали ребус на крышке, но внутри оказались не золотые монеты и не шёлковые подушки, а всего лишь бутылка с письмом и картой, и после того, как мы откопали вторую часть клада за кухней, все получили кульки с конфетами и пиратские футболки. Как танцевали у моря под громкую музыку и запускали воздушных змеев и смеялись.

Кларенс думает о том, что с высоты новых проблем детство кажется совсем счастливым.

Потом мы идём на кухню пить зелёный чай. «Это подарок Лиры», — говорит Мария. Я киваю, я видел её подругу как-то раз. Вот кто уж точно выглядит не от мира сего. Впрочем, и не от мира моего тоже.

— Родители дома, или можно курить?

— Все дома, но кури спокойно, ты же взрослый.

— А, точно. Постоянно забываю.

К. закуривает, смотрит в окно. Думает, что он неплохо держится. Совсем неплохо, учитывая, сколько таблеток он проглотил и насколько геометрично-агрессивными кажутся углы комнат.

Лира смотрит туда, где вода встречается с небом. Лира чувствует это небо и эту воду. Облаков становится больше, световая полоса из отблесков солнца на море кажется совсем короткой и далёкой. И в этот момент Тай невесомо кивает. Лира кладёт кисть правой руки на локоть левой, кисть левой руки на локоть правой, переносит их за голову и чувствует, что одновременно с ней, совершенно синхронно то же самое делают остальные *сообщницы*. Эксперимент начался.

— Как работа? — после такого вопроса можно быть спокойным ещё десять минут.

У Марии на работе всё хорошо. Ну как хорошо — проект интересный. В остальном всё как обычно. Работа, дом, работа, дом. Грустно говорит, что совсем перестала читать книги. Кларенс тоже перестал.

Мы понимающе смотрим друг на друга и чокаемся чаем. Чирс.

— А как твоя работа?

К. улыбается. Говорит, что не хочет об этом говорить. Стены снова начинают дышать, сейчас я бы совершенно точно не смог придумать достоверное описание типичного дня графического дизайнера (ведь я никогда в жизни не работал графическим дизайнером).

И тут М. вспоминает что-то важное. Что-то интересное.

На днях, буквально вчера, Марии снился сон. Я мало что помню, но основная концепция звучала так: когда рождается человек, глаза у него голубые, а когда сходит с ума, становятся тёмными.

— Сходит с ума? Что это значит? — К. становится тревожно от таких слов, стены как будто становятся ближе.

— Выходит из себя. Теряется.

М. смотрит на К. Молчит.

К. пытается мысленно раздвинуть стены. К. очень не хочет выглядеть странно. Смотрит в окно.

— Что у тебя с глазами, Кларенс?

— Да.

— Что — да?

Мария смотрит в глаза Кларенса. Они совсем тёмные.

Если бы я мог говорить с тобой, Мария. Если бы я мог всё рассказать тебе, Мария.

— Я всё знаю о боге, — говорит Кларенс.

— Что?

— Я видел бога.

Что-то происходит с К. Марии это совсем не нравится.

— Ты видел бога?

Что вообще это может значить? Марии начинает казаться, что она снова в мае, в Рахрейтене, в баре «Пустое множество». Что это продолжение того разговора.

Кларенс смотрит сестре в глаза, щурится, пытается взглядом отодвинуть её от себя, расширить личное пространство. Кларенс щурится, чтобы не потерять веру в то, что он собирается сказать. Переводит взгляд на окно.

Мы *возносим* море. Л. стоит справа от Тай и не чувствует ничего, кроме воды, которая становится всё выше и выше. Капли поднимаются вверх и падают вниз. Появляются волны. Кружовороты. Вода смешивается с воздухом. Выше и выше. Л. чувствует себя этой водой. Больше всего на свете она хочет, чтобы так оставалось всегда. Подниматься вверх и ни в коем случае не падать. И каждый раз падать.

Теряется счёт времени, темнеет небо. Капли становятся больше. Лира замечает на горизонте яркие короткие молнии.

— В северной части города. Мы стояли напротив друг друга, ждали кого-то. Я запрокинул голову и смотрел в небо. Стоял так минут пять. Но я видел не просто какое-нибудь отдельное облако или участок синевы, нет. Я видел всё небо целиком. Это так захватило меня, я как будто поднялся над землёй. И в этот момент я подумал, — Кларенс неуверенно сглотнул, — что мы все, весь наш мир — это книга, которую пишет бог. Я увидел буквы, я поднялся над буквами и при этом был буквами. В этот момент Леонард посмотрел мне в глаза и назвал по имени. Как будто что-то случилось. Это, конечно, меня отвлекло от бога и книг.

Мария молчит.

Снова Леон. Окей.

— Слушай, Кларенс. Тебе не кажется, что ты слишком много времени уделяешь мыслям о человеке, который уже давно отсутствует в твоей жизни?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Может, тебе... — М. делает паузу. К. дышит глубже, чем это нужно. Смотрит то вправо, то влево, словно ища поддержки.

Может, мне... может, мне — что? Может, мне, а может, и не мне. Тебе? Леону? Может, мне дышать как стены, может, мне стать стенами. Набрасываться на потерянных углами.

— Что — мне?

— Стоит сходить к психотерапевту?

— Зачем?

— Я беспокоюсь за твоё состояние.

— Нет.

Она так ничего и не поняла.

— Ты так ничего и не поняла.

— А что я должна понять?

— Жизнь. Время просто идёт, и ты живёшь. Не живёшь, а пытаешься вместить в себя как можно больше людей, клубов, музеев, музыки, книг, спектаклей, поездок, закатов, тех моментов, в которых мир замирает, мир останавливается, ты становишься собой, каждый день остаёшься собой, и так хорошо находить себя, и так привычно себя терять, — Кларенс говорит очень быстро, Кларенс захлёбывается словами. — И ты живёшь — не живёшь, а гонишься за чем-то. И это всё — потому что ты жадный; и ещё — потому что только так, только так перестаёт поглощать пустота, перестаёт обволакивать со всех сторон пустота и ты прекращаешь думать, перестаешь знать, знать то, на чём стоит этот мир. Знать, что все мы прокляты.

Я встаю из-за стола, смотрю на Марию, смотрю ей в глаза. Это длится, наверное, вечность. Под дыхание стен я разворачиваюсь и выхожу в дверь, я выхожу в сад, я выхожу в дождь.

И тут грянул ливень. Резкий, громкий, холодный. Ни одна из нас не шелохнулась. Вода не может причинить нам вреда, это наша подруга и наша стихия. Капли дождя смешались с каплями моря, превращаясь в хаотичные брызги. Теперь Л. не чувствовала, что падает. Казалось, что наконец-то можно не ждать, не желать так страстно, что самое главное уже произошло и теперь никто никогда не упадёт. Ветер и дождь помогли нам. Вода оторвалась от земли. Нашла новый дом.

Л. поняла, что внутри себя очень давно только этого и хотела.

8. пароль

На улице ливень, он успокаивает меня. Капли бьют по лицу, охлаждают разум. Я бреду пешком в сторону своей квартиры. Я не хочу никого видеть.

Я не хочу ни о чём думать.

Никто меня не понимает, это нормально, так было всегда.

Не так было только с Леоном, он меня как будто знал. Как будто мы были знакомы ещё до встречи. Я закрываю глаза, запрокидываю голову. Пусть дождь пройдет сквозь меня, пусть дождь подскажет, что мне делать. Мысленно посылаю сигнал в космос. Я так больше не могу. Мне нужен пароль. Мне нужен ключ. Я совсем один в этой темноте.

Я подхожу к ближайшему зданию — стены у него белые, в высоту этажа четыре. Я хочу написать на стене, как мне нужен пароль, как мне невыносимо нужно знать, почему всё происходит именно так. Но в правом кармане нет маркера. В левом кармане его тоже нет. У меня вообще ничего нет кроме телефона. Кроме этого кусочка железа и жидких кристаллов, через который я могу достать всё на свете. Любую вещь из любого города. Любую музыку и картину. Но даже телефон не вернёт мне Леона.

Что это было? К. вёл себя странно, долго говорил, долго молчал, резко вскочил, пролил чай и убежал. Не хочу его трогать сейчас. Кажется, из Рахрейтена он привёз с собой не только привычку читать журналы про югендстиль. И почему мне казалось, что это будет приятная встреча с любимым братом? Открываю переписку, набираю: «с тобой всё в порядке?» — и ставлю таймер на четыре часа. Надеюсь, он успокоится за это время. Бред какой.

На столе в гостевой комнате разбросаны фотографии, я беру первую попавшуюся (это та, на которую мы смотрели недавно), нахожу К., вглядываюсь ему в глаза. Они светлые, голубые, совсем другие глаза, не те, что я видела напротив четверть часа назад.

Мне точно нужно отвлечься. Поэтому я звоню Артуру и рассказываю всё, что произошло за сегодня.

Кажется, мы давно нормально не говорили. Он снова предлагает съехаться. У его родителей есть вторая квартира — в центре. Они собираются отдать её нам после свадьбы.

М. не уверена, что представляет себе эту свадьбу.

Артур долго говорит о том, что скучает. Что в последнее время я как будто отодвинулась. Да, он знает, что это из-за работы, но всё равно не может не чувствовать. Ему меня не хватает.

Каждому кораблю нужна тихая гавань, ты же много времени проводишь с мыслями о кораблях, ты же понимаешь, о чём я.

Но я не понимаю. Я хочу ещё какое-то время пожить с родителями, я люблю свою комнату и кусты сирени в саду. Мы съедемся осенью, я обещаю ему. Я обещаю.

К. нужен новый маркер. Где-нибудь тут, поближе к этой стене, которая для меня уже холст. Я ищу маркеры, но нахожу только аэрозольные баллончики, перчатки и защитные маски. Какого

чёрта.

Нахожу самые разные капсулы, редкие книги, диджейские пульты, старые синтезаторы, породистых кошек, оружие, кроссовки. Неужели везде закончились маркеры? Как это возможно?

Окей, раз я не могу достать маркер, я куплю то, что лежит ближе всего. Запускаю поиск по ближайшим маркетплейсам. В пяти километрах — фермерские продукты, в трёх — запчасти для велосипедов. В радиусе полутора километров есть только лавка с антиквариатом. Она называется «У Залётова».

Эксперимент завершён. Сообщницы синхронно опустили руки и прикрыли глаза. Голова кружится, нужно прийти в себя. Лира тяжело дышала. Что же они сделали?

— Что же мы натворили? — спросила Л. в пространство. У неё появилось чёткое ощущение уже пережитого. Это происходило однажды. Они всё делают правильно.

— То, что должны были, я полагаю, — голос Тай слева. — Давайте поедem обратно.

Антикварная лавка оказалась в подвале странного цилиндрического здания с множеством острых углов. Высокое, как будто из треугольников скрученное. На двери часы работы — с шести-семи вечера до двух часов ночи. Хорошо, что я не пришёл раньше.

За дверью — небольшое помещение с окнами у самого потолка, с множеством полок и вещей. На секунду Кларенс забыл, где находится. Пыльные книги, картины в резных рамках, портсигары, монетницы, подстаканники, настольные часы, телефоны с циферблатами, телефоны с антеннами, прозрачные, потемневшие от времени вазы, словари-переводчики, готовальни. Ни одна поверхность не осталась свободной от фарфоровых статуэток, карманных зеркал, лаковых шкатулок, янтарных кулонов, театральных биноклей. Даже на подоконнике стопками лежали подшивки поэтических сборников, открытки, литографии. Маркер здесь не найти. В прошлом веке не было маркеров. Зато Кларенс находит глобус. Большой, с детально прорисованными океанами, реками, ручьями, пустынями, лесами, долинами, горами, городами. С лампочками рядом с названиями столиц.

— Он ещё светится, — К. слышит голос из-за спины.

Работник лавки появился бесшумно. Он нажимает незаметную кнопку на подставке и этим включает все лампочки внутри шара. Светятся не только столицы стран, но и пути великих исследователей, нарисованные в мировом океане.

К. неглубоко проваливается в эти линии.

Отличный глобус. Но не для меня.

— А покажите, пожалуйста, вот эту коробку. Которая под глобусом.

В коробке оказывается деревянный футляр. В футляре в тёмной бархатной обкладке оказывается револьвер. Чёрно-стального цвета, тяжёлый — килограмма полтора. Ствол длинный, кажется чуть длиннее, чем нужно. Рукоять выгнутая, с шершавой накладкой, чтобы не выпадал из руки. Это первый револьвер, который Кларенс видит вживую. Подносит его к щеке, рукоять холодит кожу. Можно прикладывать ко лбу во время болезни. Вместо мокрого полотенца. Щёлкает барабаном, крутит его. Шесть... нет, девять патронов.

— Я куплю это.

9. 08.06.15

С самого утра бюро стояло на ушах. Мария обычно приходила чуть раньше коллег, но сегодня оказалась последней. Старшему конструктору позвонили в пять часов утра. Случилось то, чего никогда раньше не происходило. Море стало несудоходным.

— Что это значит? — М. совсем не поняла. Что вообще может случиться с морем?

— Сейчас забронируем переговорку и я вам всё расскажу, — Ариса сразу придумала план действий.

— Сбор в двадцать второй через пять минут.

Мария пожала плечами и пошла в двадцать вторую. Наверняка всё не так страшно. Люди любят переживать по пустякам.

А случилось вот что — уровень трихского моря понизился на двадцать семь процентов относительно уровня мирового океана. Все суда в порту сели на мель. Те, что должны пристать сегодня утром, вынуждены остановиться в пятидесяти километрах от берега, а их экипажи добирались до порта на катерах. Морская торговля невозможна. Настоящая катастрофа. Ни один из находящихся в разработке кораблей не подходил под новые требования.

Но самое пугающее, что никто из инженеров раньше не сталкивался с такой проблемой. Вечером была гроза, но не произошло ничего особенного, обычная летняя гроза, на этот случай по всему городу стоят громоотводы. Вода из моря никуда не исчезла — просто зависла над ним, кружась хаотичным облаком капель.

В новостной передаче это выглядело очень красиво. Мария пожалела, что она не художница и не может это нарисовать.

По итогу собрания было решено, что старшие инженеры отправятся в НИИ Гидрологии для консультации с местным гидрологическим сообществом, а все остальные продолжают свою работу.

Наверняка удастся всё уладить и тогда старые расчёты и чертежи станут снова актуальны.

Кларенс проснулся от сильного запаха — кто-то готовил рыбу. Сосед готовил рыбу — быстро сообразил. Кто ещё-то. Кларенсу снилось, что он — рыба. Нет, не совсем так. К. зажмурился, пытаясь вспомнить ускользающий сон. Он был не просто рыбой, он был всеми рыбами сразу. И кораллами. И медузами. И скатами. Он был морем.

Он всегда был морем и только на миг стал Кларенсом. Да. Теперь он понял.

Кларенс забивает в поисковую строку: «как заряжать револьвер Ле Ма». Можно стрелять патронами, а можно дробью. Дроби у Кларенса нет. Есть патроны — целых пять.

И я поднимаю руку и рука дрожит, и я стреляю в стену. Стекло разлетается во все стороны, вода выплёскивается на пол. Осколки везде. Осколки осколков. Очень громко.

Осталось четыре. Четыре это число смерти (и откуда я знаю это). И я прислоняю дуло снизу к подбородку (так ещё никто не промахивался), и я спускаю курок. Пиу-пиу. Тишина.

Что же мы натворили? Лира не может прийти в себя. Что же они наделали, как же теперь быть. Все газеты, все новости твердят об одном.

Пора ехать на собрание. Сегодня не воскресенье, но Л. чувствует — нужно ехать. Не в храм, нет, он слишком далеко. У нас мало времени.

Мы собираемся в парке. В тенистом раскидистом парке в самом центре. Там всегда много людей, но Кристина знает небольшой пруд в дальней части. «Он идеально круглый», — говорит она. Возле него редко кто-то бывает, поэтому мы будем пробовать там.

Пруд совсем маленький, сильно заросший водорослями. У противоположного берега целая стая кувшинок. Вода спокойная, бездвижная. Смотрим друг на друга, потом на блестящую гладь, не произнося ни слова, встаём в линию на одинаковом расстоянии одна от другой. Я кладу кисть правой руки на локоть левой, кисть левой руки на локоть правой, переношу их за голову. То же самое делают остальные. В этот раз мы должны не только поднять, но и опустить воду. Нам нужен абсолютный контроль.

Со стоячей водой работать куда проще, чем со своевольной морской. Пруд — творение рук человеческих, и эта вода привыкла подчиняться. Поэтому мы с лёгкостью возвышаем её до нужного уровня — около трёх метров над предыдущей поверхностью. Теперь нужно её опустить.

В глазах Тай читается непонимание — она как я, всегда только поднимала воду, а после того как переставала прикладывать намерение, вода приходила в изначальное положение сама. Вода всегда хотела вернуться туда, откуда мы её захватили. Но всё менялось, когда мы делали это вместе. Теперь — мы все чувствовали это — теперь вода хотела остаться в новом положении. Что же делать? Лира расцепила и опустила руки. Это ни на что не повлияет, теперь пруд стал таким же, как море.

— Лира?

Голос из-за спины — неожиданно громкий, знакомый, но чужой. Здесь только сообщницы, никого другого здесь быть не должно. Наверное, я ослышалась.

Л. быстро оборачивается и видит Марию.

А что видит Мария? Лиру. Лиру среди незнакомых девушек, круглый заросший пруд на дальнем краю парка — любимое место М., куда она ходит побыть в одиночестве. И то, как этот пруд оживает, то, как он превращается в море — брызги взлетают вверх, закручиваются вихрями и висят в воздухе. Вода ведёт себя не так, как ей положено. Это зрелище завораживает и пугает.

И на фоне этого — невозмутимая, задумчивая Лира. Как будто она так и планировала. Как будто она управляет ситуацией. Зачем она это сделала?

Мария нравится Лире — хорошая и такая земная. После встреч с М., Л. всегда становится спокойнее. Но сейчас Мария стоит в злом недоумении, с вопросом в глазах.

— Так это ты?

Л. не знает, что ответить. Это я, да. Возможно, более я, чем когда-либо.

— Это всё ты? Ты разрушила море? Ты перебудоражила весь город?

Лира смотрит Марии в глаза. Плавно кивает. Да, это я, но ты же понимаешь, ты же можешь предположить, что всё пошло не так, что я не до конца знаю, что делаю. Потому что никто на самом деле не знает, что делает.

Лира молчит. Бывают моменты, когда слова всё портят.

М. сложно уместить это в голову. Она разворачивается и уходит. Какого чёрта.

Л. не идёт за ней. Не нужно. Сейчас её забота в другом.

10. 08.06.15

Но ведь бывают простые вещи. Простые, понятные, вечные вещи. Доброта и собаки. Солнечные лучи, расходящиеся от полукруга в облачной дымке, — закат. И день до заката, наполненный зелёными деревьями, разговорами, птицами, кошками, людьми, что гладят кошек, а кошки мурлычут и жмурятся от солнца. Бывают же простые, правильные вещи — хорошо учиться в школе, хорошо сдать экзамены, поступить в университет, в котором учились родители, найти настоящих друзей, перевязывать красивыми лентами подарки на их дни рождения и свадьбы, на выходных ездить за город, делать фотографии, на которых все улыбаются. Наверное, где-то и правда такое бывает. Не у нас.

Каждому кораблю нужна тихая гавань.

Но я хочу быть кораблём.

С того звонка, с того момента, как Мария взяла трубку и услышала дрожащий голос матери, у неё не было сомнений. Пора это заканчивать. Нужно уезжать. Кларенс застрелился, его нашли в луже крови. Соседям было громко, из-под двери текла вода. Они вызвали спасателей. Спасатели нашли моего брата. Что за дичь?

Я зашла домой ровно на то время, что требовалось для короткого разговора с матерью и отцом (они всё поняли с первого раза), сбора рюкзака с одеждой и покупки билета на ближайший поезд. Хватит с меня.

11. К после К

В детстве мне говорили, что если постоянно идти вперед, то окажешься на том же месте, откуда начал. Это было очень давно, мне было года четыре, в детском саду воспитательница объясняла, что планета круглая. Если постоянно идти вперед, то вернёшься в самое начало. И я вернулся. Привет. Меня зовут Кларенс. Я говорю сам с собой.

Я смотрю в потолок. Я не помню, что было вчера. На левой руке ожог. Я же сам себя и прижег. Сигаретой.

Кажется, во сне мы с Леоном отправились путешествовать.

Там, где жил Кларенс, всё было тихим, холодным и светло-серым. Там было много пространства и мало тех, кто мог бы его заполнить. Но он называл это место домом, потому что не помнил другого.

Стены отдают сталью и туманом. Время застыло на шести часах утра. Уже светло, но солнца можно не ждать. И тишина. Кларенс только вынырнул из сна, у него теперь всегда такое чувство, будто он только-только проснулся. Разве что сердце портит ситуацию — бьётся так, что и в соседнем доме слышно. В соседнем доме, который так хорошо видно из окна. Там мог бы жить мой друг — думает Кларенс. Но в том доме никто не живёт.

Кларенс закуривает, но не чувствует ни запаха дыма, ни удивления по этому поводу. Во сне он ходил на занятие в группу психокоррекционного метода в комплексной терапии депрессий и в беседе с другими участниками упоминал о другом сне.

Слишком сложно для того, чтобы вспомнить всё целиком. Мяу. Кларенс сминает сигарету, не докурив, с излишней силой, будто хочет продавить пепельницу. После — ложится на пол, упирается взглядом в стену. Она состоит из двух стекол, между ними — вода. Сквозь неё видно кухню. Но Кларенс смотрит на воду.

Едкое пиликанье врывается в мысли. Будильник. Это значит — пора. Постоять под потоками воды с четверть часа, расписать план на оставшиеся свободные минуты, взглянуть на себя в зеркало и увидеть уставшего человека, чьи зрачки ещё реагируют на свет. Пора открыть шкаф, достать оттуда рабочую форму, натянуть её кое-как, медленно добрести до остановки, закурить ещё раз — дым наполняет не только лёгкие, но и голову, становится проще мириться с реальностью, даже кажется, что всё хорошо.

В рабочем автобусе много свободных мест. Кларенс садится в самом конце, слева, у окна. Дома снаружи такие же бесцветные, как и всё вокруг: как светофоры, дороги, другие автобусы и частные машины. На стекло садится стрекоза (и как она только держится на ходу),

помахивает крыльями и улетает. Поездка в автобусе от дома до работы и обратно — лучший момент любого дня.

Кларенс работает в типографии. В цеху под номером 7714. В нём на книжках с текстами детских сказок пропечатываются иллюстрации.

Кларенс сидит за большим компьютером и на специальном планшете рисует зайчиков, лисичек, леса, поля, срисовывая с эскизов на тестовый вариант книги. В места, не занятые текстом, специально оставленные для картинок. Неизвестно, кто пишет текст, неизвестно, кто рисует эскизы. Кларенс срисовывает кошечек, собачек, хомячков. Отправляет тестовый вариант на проверку и запускает конвейер. Берёт следующий эскиз.

В рассказе про сон в другом сне он отправился на берег Каменного океана спасти зелёных черепах. Переворачивать их со спины на ноги, кормить, помогать черепашатам поползти до воды.

Звонит рабочий телефон. Кажется, я слышу это впервые. На определителе высвечивается номер — 150 411. В трубке — тишина. И короткие гудки. Из груди вырывается вздох — да на что ты вообще надеешься, сколько можно? Кларенс не знал. Может, что-то и было, только очень давно.

Быстрее бы вечер, через несколько дней обещали грозу. От таких обещаний возникает неудержимое желание раскрасить всё вокруг, хоть бы вспышками молний, хоть словами по стенам или плохо прорисованными журавлями. Но и не хочется. Так бывает.

Ещё иногда хочется уехать из города, взорвать свой дом, выпить канистру бензина, завести рыбок. Но вокруг города ничего нет. То есть даже не так — есть ничего. Высокая, крепкая стена из ничего. Шагни — и растворишься, не вернешься никогда никуда. Страшно.

За весь день ничего и не происходит, кроме стрекоз над головой. И откуда их столько, этих стрекоз.

Кларенс выходит из автобуса, закуривает, смотрит на водителя. На секунду прикрывает глаза, а когда открывает, автобуса уже нет, зато есть другая сторона улицы. И табличка «Зоомагазин».

— Здравствуйте, можно мне штук девять во-он тех рыбок?

Кивок.

На ценнике написано «малый игловид».

— Им нужен уход. Кормите два раза в день – утром и вечером. У вас есть лампа?

— Да, конечно.

— Повесьте сверху. Любая подойдет, они просто любят свет.

Все любят свет.

Рыбки находят новый дом между стекол меж кухни и спальней. Теперь будет чуть интереснее смотреть в стену.

мяу
мяу
мяу

Да что такое-то, будто дома поселился котёнок. Кажется, утром он тоже мяукал, только гораздо тише.

мяу
мяу

Кларенс идет на кухню, там мяуканья почти не слышно. Возвращается в комнату, открывает шкаф, заглядывает под стол.

мяу

Похоже на игру в горячо-холодно.

мяу

Отодвигает кровать, звук становится громче.

мяу

Прислоняет ухо к полу, теплее, теплее. Горячо. Здесь.

Кларенс отламывает паркетные доски — в полу какая-то ниша (никогда не знал, что она здесь есть). Шарит руками и находит — нет, не котёнка — телефон.

мяумяумяу

Кто-то поставил очень реалистичный рингтон. Как только телефон оказывается в руках, звук прекращается. В определителе — ничего. Кларенс, как замороженный, берёт трубку и набирает номер, первый нашедшийся в памяти.

Один. Пять. Ноль. Четыре. Один. Один.

Прислушивается к длинным гудкам. Трубку никто не берет, никогда не возьмет ни за что, успокойся уже.

Кларенс без сил валится на отодвинутую кровать. Что может быть более знакомым, чем разочарование.

— Здравствуйте, меня зовут Кларенс.

— Привет, Кларенс.

— Я живу один, и у меня постоянно холодные руки. Сегодня мне звонили, и я звонил, но это ничего не изменило.

— Попробуй позвонить отсюда.

Телефон старый, зелёный, с циферблатом, таких было много в детстве. Кларенс набирает номер не глядя. Стараются впихнуть больше нулей и девяток, чтобы оттянуть момент, в который придётся услышать нескончаемые гудки.

Но на другом конце поднимают трубку.

— Посмотри в окно, — голос кажется знакомым, но так сразу и не вспомнишь, откуда.

— Здесь нет окон.

— Посмотри в окно.

Утро. Бешено колотится сердце. Кларенс встаёт, мир меркнет, он подходит к стене и упирается в неё лбом. Рыбки. Малые игловицы, которые так любят свет, расплываются в разные стороны.

Кларенс поворачивает голову направо, смотрит в окно. А там, снаружи, — сложенные из бумаги журавлики. Целая куча журавликов. Тёмное небо. И первая вспышка молнии.

Так просто.

12. Рахрейтен

Поезд приходит в час дня. Вокзал — шумный, многолюдный — затягивает в свой поток. Мария выходит на улицу и немного теряется. Но сразу понимает, куда ей идти — сейчас налево и двигаться наискось. Мария всегда хорошо чувствует пространство.

Уже через двадцать минут она жмёт на кнопку звонка под надписью «Просто хостел». Он находится в квадратном дворе, образованном стенами одного дома. Туннельный двор. Не было бы двора, дом был бы в два раза больше и плотнее. Напоминал бы гигантские пустующие отели прошлого века.

Дверь открывается почти сразу, за ней — приветливая сиреневоволосая девушка. Она записывает имя Марии в большом журнале и выдаёт ключ от комнаты. Комната на троих, но сейчас Мария там будет одна. М. это немного расстраивает. Ей хотелось бы с кем-нибудь перекинуться парой фраз. Слишком многое произошло, надо как-то себя отвлечь. Но после того как М. раскладывает вещи, находит душ и выпивает залпом два стакана воды, она ложится на кровать и проваливается в сон, и выплывает только спустя семь часов. Мария улыбается — когда другие люди заливают стресс алкоголем, она заливает его сном. Сном без воспоминаний о снах — возможно, лучшей разновидностью сна.

Мария сразу вспоминает, где она и что происходит. Рахрейтен, Кларенс мёртв, работа оставлена, Артур оставлен. Не хочется сейчас думать об этом. Даже в телефон смотреть не хочется — страшно представить, сколько там пропущенных.

Поэтому я иду гулять. Я так и не нагулялась по Рахрейтену весной, а он считается одним из красивейших городов. И я иду по улице, смотрю на людей, и я смотрю на дома. Дома — ниже, чем в Трихе, старше, чем в Трихе. Старше меня на сто лет. Люди кажутся очень красивыми. Счастливыми. Ни у кого из них не умирал брат, никто из них не видел подвешенное море, подвешенное подругой море. Мне не нужно об этом думать. «Пожалуйста, — говорю я себе, — не сегодня».

Мария ужинает в уютном кафе на углу дома с пилястрами. Звёздочные лампочки, окна от пола до потолка, дубовые столики и венские стулья. Всё так, как и должно быть в Рахрейтене. Я улыбаюсь официанту, оставляю на чай и иду дальше. Через пару улиц выхожу на набережную и просто бреду по ней под музыку из случайного плейлиста. В ритм шагов. Пианино и барабан.

Кларенс любил музыку, я же никогда не придавала ей значения. Играет что-то в наушниках, в такси, в ресторане — какая разница. Но сейчас я заслушалась, музыка помогла заслонить мысли, уравновесить состояние. Не осталось ничего, кроме шагов, набережной и ветра. Зажглись фонари. И сразу же, в одну секунду, чуть отставая друг от друга, загорелись лампочки ночной подсветки на фасадах домов. Мария вышла к повороту реки. Там, на другом берегу, на холме — здание. Белое, многоступенчатое. С тёмными окнами и солнечной подсветкой. МСИР — Музей современного искусства Рахрейтена. В прошлый раз М. так до него и не добралась.

Звук шагов стихает. Над приглушённо-белым далёким зданием музея кружат птицы. Небольшие, скорее похожие на иволг, чем на чаек, хаотично перемещаются над зданием, не опускаясь на него и не улета вдаль. Золотые от подсветки, они контрастно выделяются на фоне неба.

Я никогда не видела, чтобы птицы вели себя так. Всё кажется частью одной глобальной экспозиции — ветер ложится на музыку, птицы кружат под музыку, время останавливается, время замирает; и я уверена, что никогда и не было ничего другого, кроме этой набережной и этих золотых птиц.

Я смотрю на них так пристально, что понимаю, что осознаю так чётко, как никогда раньше не осознавала, — я больше не вернусь домой. Я вынимаю телефон из кармана, не смотрю в экран и замахиваюсь, швыряю его в реку.

Я хочу быть кораблём.